

Стіхи

Мюнхен
1947

С.Б.

СТИХИ

О. Анстей

Сергей Бонгарт, Влад. Гальской
Иван Елагин, Сергей Зубарев, Н. Касим
Кн. Н. Кудашев, Анна Савинова
Аглая Шишкова

МЮНХЕН

1947

Обложка работы художника
Сергея Бонгарта

ФАВН.

I

У ключа, где смех дриадин
Еле внятен меж стволов,
Где полдневный час прохладен,
А полуночный — лилов,

Там пристал ко мне фавненок,
Увязался и идет!
Шелковистым станом тонок,
Голова как желтый сот!

С виду кроткий, только дикий!
Натащил грибов в горсти,
Самой крупной ежевики
Обещался принести.

С этих пор мы с фавном дружим,
И сидим, рука в руке,
И по тропкам долго кружим
В молодом березняке!

Братец милый! Брат мой в Пане!
Мяжки светы в сентябре,
Травы вянут на поляне,
Воздух розов на заре!

Сквозь редеющее злато
Небо зыблет глубиной...
Как руно твое космато,
Брат мой в Пане, брат лесной!

Манит палых листьев ложе,
У колен мой брат затих,
Вот на смуглонежной коже
Спелый след зубов твоих!

Слабых иволгиных свистов
Свечеревший полон лог...
Как ты нежен и неистов,
Прирученный, глупый бог!

Здесь помедлим до заката,
Переждем последний зной!
Как руно твое космато,
Брат мой в Пане, брат лесной!

На, сорви тугие губы,
Духом хвои всю омой!
Мне твои ресницы любы,
Любый мой!

II

дух полынный на бугре размытом
Слаще на исходе дня.
Вот какой с раздвоенным копытом
Братец у меня!

У него не очень складны речи:
Все «зачем да почему?»
Путно говорить по-человечьи
Нелегко ему!

Он совсем креститься не умеет,
Божьей Матери не читит!
Разве вот за то, что всех жалеет,
Бог его простит!

Миг за мигом нижутся, как бусы,
Убегают как вода!
У него глаза в ресницах русских
Голубей пруда!

Он не хуже человека, право,
И нежней, чем человек
Прочь сцелует сна отраву
Со смеженных век!

Смуглый сгиб руки моей надкушен,
Как созрелый виноград!
Спи в коленях, мне послушен,
Козлоногий брат!

Там тропки мятой заросли,
Чебрец лепился у провала.
Там нежность дивно запевала
У края круглого земли!

Там души опочили обе
В прохладе светлой немоты!
А ныне трудно дышишь ты,
Стеня в беспомощном ознобе,

Здесь, у колен, ничком, как пес,
Изнеможен, обезображен,
А я льняную гриву глажу,
Не пряча одиноких слез!

Разбушевался ветер в тополях!
Качает провода, белье мотает,
Ворота неприпертые шатает,
Хрустит песком постылым на зубах.

Грозу несет он, что ли? Оттого ль
Покрыла душу тусклая короста?
Иль дождь нагонит нудный? Или просто
Надует пыль и головную боль?

В пол-окна снега мои накинаны.
Полуночное стекло, холодей!
Звездный мой! Самый неожиданный
Из одиннадцати лебедей!

Смятое крыло изнеможенное
Бережно тебе распрямлю.
Не влюбленная, не замороженная,
Не люблюсь я, а люблю!

ЗАМЕТКИ НА ОКОННОЙ НИШЕ.

I

Комья ваты пляшут нежно
По засыпанной стране!
Руки яблонь в цвете снежном
Протянулись к вышине!

Но под частой синей сеткой
Тайники тепла сберег
Лунный дворик с черной веткой,
С длинной веткой поперек!

II

Тонкий тополь сед и розов,
Медлит ветви наклонять!
Платье, тканое морозом,
Так не хочется ронять!

Над нарядными снегами
Блекнет утра голубень.
Стынь в янтарно-синей гамме,
Исцеленный белый день!

III

Возле черного притвора,
Где сугробы лиловей,
Где сосулек талый ворох,
Как густой вишневый клей —

Скоро вечер сядет сонно
И, кресты макая в тушь,
Расплеснет печаль канона
На ледок постовых луж!

АВВА.

Говорила бабка из Каноба,
Что недуги даром целит старец,
Он живет в землянке на побережьи,
А зовут монаха авва Лонгин.
Потащилась бедная Родопис,
Немощи Родопис одолели,
Всюду язвы, струпы да нарывы,
Нет на коже правильного места.
Вот плетется шаткими ногами,
Из ворот Луны на берег вышла,
Вот пошли сияющие поймы,
Зеркалеет нежный Мареотис.
Шибко бьется сердце у Родопис,
Чует — близко, вот увидит старца,
Вот помолится о ней отшельник.
Забелел уже маяк Фаросский,
Воды стали тихие к закату.
На косе увидела Родопис
Тощего сурового монаха.
Он, согнувшись, полоскал сорочку,
Оттирал песком замытый ворот.
Тут же рядом розовая цапля
На одной ноге стояла смирно.
— Авва отче! — крикнула Родопис, —
Далеко ли Лонгина пещера?
Старец не спеша оборотился
И сердито отвечал Родопис:
— Что за Лонгин? Лонгин твой — мошенник,
Незачем тебе к нему таскаться!

Хворь тебе твой Лонгин не залечит,
Ворочай домой, да поскорее.
Не реви! Поди сюда к водиче —
Я благословлю твой путь обратный.
Нывшими коленами Родопис
Стала на камнях крутых и скользких.
Авва из воды сорочку вынул
И коснулся лба ее и груди.
Отошла Родопис недалечко,
Видит — чистая желтеет кожа,
Где лохмотьями висели струпья!
Завопила, вспять бежать пустилась —
Нет ни цапли на камнях, ни аввы,
Только мальчик с синими вихрами
Корку дыни важно обгрызает.
Задыхаясь, крикнула Родопис:
— Дитяtko, как имя аввы с цаплей?
А мальченка молвил с укоризной:
— Старая, а Лонгина не знаешь!

Я, рыбак на Делосе колючем,
По складам хромающий рапсод,
То не сплю, глухим напевом мучим,
То бреду по диким сизым кручам
Кинуть мрежи в зев зеленых вод.

Что ж тяжел сегодня старый невод —
Еле дух могу перевести?
Что слепит? И что шипит — «пусти...»
Белое, дрожащее от гнева,
Руку прокусило до кости!

У нее серебряное ложе —
Рыб трепещущая чешуя.
Плавники хвоста трепещут тоже.
Дрожь бежит по озаренной коже...
Ты — улов мой, ты теперь моя!

Вся как соль мерцает, вся сквозная...
Петли сети сквозь нее видны.
Плечи млечны, веки солонны...
Влажный жемчуг, рыжая Даная,
Водорослей дочь, сестра луны!..

Но хвоста подергиванья тише,
Будто рябью сводит водоем.
Стебель горла хрупкого не дышит,
И нежней, нежней вода колышет
Мертвый жемчуг в неводе моем.

Облепляют влажные мошки,
Ошалев от вялой возни.
У каштанов промокли ладошки,
Полусжатые пятерни.

Эти мокрые майские своды!
Это зеркало скользких плит!
Этот мир, как трудные роды,
Убивает и жить велит.

АКТРИСЕ.

Г. В. Н.

Это было, но память упорно
Сохранит, как недавнюю близь,
Этот сумрак актерских уборных,
Этот приторный запах кулис.

Помню: зал до краев переполнен,
В дымном воздухе гулкая дрожь —
Это плещутся звуки, как волны,
У кильватерной линии лож.

Ты поешь. В нарастающей крепи
Голос к люстрам взлетел и упал.
Длится миг... И как будто бы с цепи,
Обезумев, срывается зал.

Бьет крылами, как дикая стая,
Стонут ярусы гудом перил,
Хлынет к рампе, бушует — и, стая,
Снова рушится всплесками крыл!

Вьется занавес в буре оваций,
Я смотрю на тебя, не дыша —
И цветами душистых акаций
Осыпается в счастье душа.

... Это было. Прошло, как проходит
Все. Как ты, моя жизнь, отгоришь.
Лишь висят в театральном проходе
Пожелтевшие клочья афиш,

Да на сердце щемящая жалость
Обманувшей когда-то мечты...
И, как память о прошлом, осталось
Между нами ненужное «ты».

Когда из этой жизни прочь
Я отойду в пределы ада —
Все будет так же. Та же ночь
Придет сюда в окно из сада.

И не изменится ничто,
Ни эта ложь, ни эти бредни,
И будет также здесь пальто
Висеть на вешалке в передней.

Как и теперь, сухой листок
Уронит тихо ветка клена,
И так же поезд на восток
В два сорок отойдет с перрона.

На темной насыпи кусты
Мелькнут за поворотом снова,
И так же, так же будешь ты,
Как и меня, любить другого.

ЗИМА

Воют вьюги по неделям, —
Видно, норов их таков,
И хребты ломает елям
Непосильный груз снегов.

Убегу — тогда ищи-ка!
Из-за ветл зовет река.
Будет мною лед исчиркан
Беглым почерком конька.

За рекой чернеют срубы,
Я с тобою встречусь там.
Приморозит ветер губы
К ярким девичьим губам.

Приморозит, не отпустит!
Он шутить не любит зря!
Я вернусь, когда за устьем
Будет снег топить заря.

ОТПЛЫТИЕ.

Уже качнулся серый борт,
Уже толпой гудят причалы!
Передо мной туманный порт
И дышит море за плечами.

Я отплываю на восток.
Скрипят расшатанные реи.
Прощальный белый твой платок
Там над землей, как чайка, реет.

Пускай не порвана тесьма
Соединившего нас горя,
Но ты мне не пришлешь письма,
Когда меж нами ляжет море.

Когда я стану одинок,
Разлукой нерушимой ранен...

. . . . .

Плывем. А белый твой платок,
Как чайка, мечется в тумане.

Г. В. Н.

Нет, поступить иначе я не мог.
Теперь ничто меня с тобой не свяжет
И память о тебе, как вечное клеймо,
Морщиной темной над бровями ляжет.

У чьих-то бедер жадных и тугих
Пойду мутить назойливую память,
Но в сердце вновь возникнет горький стих
И буду жечь, упорствовать и плавить.

Однообразные, ненужные года!..
Ничто не исцелит от тяжкого недуга,
Но слово «родина», быть может, мне тогда
Придет на ум, как имя друга.

И я вернусь. Угрюмый паровоз
Уволочет меня от тления и сплина,
И осень каплями тяжелых грустных слез,
Как мать, оплачет возвращенье сына.

Там будет все, как будто бы вчера:
Весь город мой в людском немолчном гуде,
И те же дни, и те же вечера...
Но только там одной тебя не будет.

И где-нибудь, не знаю точно — где,
Мой любопытный друг меня расспросит
О стройной девушке, о ласковой жене,
Которую я так нелепо бросил.

Сегодня день так сумрачен и мглист,
В холодном небе затерялась просинь...
Я так любил, когда шуршащий лист
Мне на плечо клала спокойно осень.

Когда, от сутолоки дней устав,
Наполненный тоской однообразных будней,
Уходишь за город, и блеклый цвет листа
Воспоминанья потихоньку будит.

Так было раньше. Но сегодня — нет!
Пусть не опадают листья!
Они во мне шевелят только бред
Твоих волос туманно-золотистых.

Куда итти, куда бежать теперь?
Мне не найти покоя в желтых ветвях.
Вернусь домой... Ехидно скрипнет дверь,
Вползая в комнату на заржавелых петлях.

Потом безвольно брошусь на кровать,
Линялым пледом с головой укроюсь,
И в сотый раз попробую понять
Свою беспутную, мучительную повесть.

И буду медленно, но нагло по пятам
Преследовать события и даты,
И, наконец, пойму, что жизнь моя по швам
Разлезлась, как пиджак потертый
и памяти.

ШТОРМ.

Косая молния стегнула горизонт
И подала сигнал к началу боя.
И гром скомандовал. И дрогнул гарнизон,
И ветер двинул тучи за собою.

В открытом море, огибая мол,
Построившись у крепостного форта,
Побатальонно цепи черных волн
Неутомимо шли на приступ порта.

И взяли порт. Они прорвались там,
Где берег был песчанее и ниже.
А ветер мчал за ними по пятам
И вел их в бой, на штурм рыбацких хижин.

Всю ночь сопротивлялись берега
И медлило сдаваться плоскогорье.
А на рассвете, с жадностью врага
Собрав трофеи, отступило море.

ЕИ.

Мы встретимся снова на этом углу...
Все снова и снова, и так до разлуки.
Но в памяти я навсегда сберегу
Твои обнаженные нервные руки,

Бездонную глубь твоих ласковых глаз,
Такой необычный изысканный профиль —
Я все постараюсь запомнить сейчас,
Я их зазубрю, как любимые строфы!

Потом мы простимся. Расстанемся, — пусть!
Но я тебя всю в ореоле бывшего,
Как эти стихи, буду знать наизусть
От рифмы до рифмы, от слова до слова.

И годы скитаний, и суетность дней
Горячую память во мне не осият
О той, что не знала России моей,
Но столько напомнила мне о России.

Это было в Брюсселе, в Париже,
Может быть, и не здесь и не там.
Помню — серые, скользкие крыши
Ввысь ползли, к дождевым облакам,

А внизу что-то мчалось, скрипело,
На распутьи махал полисмен
Парой рук ослепительно белых,
Дирижируя хором сирен.

Город шумно дышал, шевелился,
К лицам липла фабричная гарь
И над всем этим нежно круглился
Фиолетово-бледный фонарь.

Каждый знал: ночь ничто не изменит,
Смятых крыл не расправит полет,
Никаких не рассеет сомнений,
От зари до зари проползет.

Может, кто-то кого-то задушит,
Пустит кто-нибудь пулю в висок,
Но ничто никогда не нарушит
Этой жизни размеренный ток.

Это было в Брюсселе, в Париже,
Может быть, и не здесь и не там.
Помню — серые, скользкие крыши
Ввысь ползли, к дождевым облакам...

ОСЕНЬ.

Я с осенью давно себя связал,
Я осыпаюсь с каждым листопадом.
Меня, лаская, жжет, как листья сада,
Луч солнечный — начало всех начал.

Когда небес холодная лазурь
Роняет нити паутинной пряжи
И скоро первый снег на землю ляжет,
Хочу смирить шального сердца дурь.

Зачем оно трепещет и теперь,
Зачем ответа ждет во встречном взгляде?
С его упрямой верой мне не сладить!
Напрасно говорю ему: не верь!

Как заглянуть за темный полог дней —
Вернется ль яблонь вешнее цветенье,
Наполнит ли жужжанием и пеньем
Вновь воскрешенный сад души моей?

Ведь я не тот, ведь я уже не тот,
Каким я был еще совсем недавно.
Я догниваю тихо и бесславно,
Как в вянущей траве упавший плод.

Довольно, сердце! Замолчи и ты,
Не бейся птицей в ребра темной клетки,
Учись следить, как, вздрагивая, ветки
Роняют запоздалые листья.

ЧЕРНЫЙ ГОРОД.

В черном городе стали и угля
Серой пылью подернуты лица,
Труд, рабочие плечи сутуля,
Над убожеством жизни глумится.

Вечерами у стынущей печи
Учит мать ненавидеть богатых,
Злобой детскую душу калечит,
Добиваясь найти виноватых

В том, что сказки так разнятся с былью,
В том, что дети сегодня не ели,
В том, что харкает угольной пылью
Умиравший муж на постели.

Но весной, когда синие глубли
Открываются в пепельном небе,
Здесь, как всюду, мечтают и любят,
Забывая о стали и хлебе.

БАССИАНА.

Гр. Адаму Оршичу-Славетичу.

Колеса мельницы в глухом канале
Гексаметром торжественно стучат,
В осеннем небе, цвета пыльной стали,
Пионом распускается закат.
Но стройный хор былых великолепий
Не прозвучит из кукурузных чаш.
Ужели здесь державный Рим на степи
Когда-то опустил багряный плащ?
Молчит земля. Лишь имена и даты
Еще хранит могильный мрамор плит,
Где строй отточенный классической цитаты
Рукою грубой варвара разбит,
Да мирный плуг, воздвывая нивы,
Из темноты выносит вновь на свет
Лик четкий Августов благочестивых
На бронзе зеленеющей монет.
И только в сумерки в прохладной сини
Над древним форумом дрожит звезда --
Спокойная, вечерняя богиня
Свои обзирает города.

В. А. С.

Губ твоих румяных зрелый мед
Береги для радостных и чистых,
Но топи во мне неверья лед
Теплым блеском глаз твоих лучистых.

Ласковая, боль мою уйми,
Слов не трать ненужных укоризны.
Просто в руки голову возьми,
Убаюкай песнями отчизны.

Память стран чужих и городов
Бременем тяжелым горбит плечи;
Эту пыль и сор пустых годов
Только ветер родины разметет.

Расскажи, какая там весна,
Также ли голубоглазы дети,
Так же ли страны моей леса
Дышат дремной сыростью столетий?

Я давно и здесь и там чужой.
Я боюсь уйти из мира лишним.
Руку дай — за времени межой
Страшно нищим встать перед Всевышним.

КАРУСЕЛЬ

В неподвижном беге карусели
Фауна плененная плывет,
В венском вальсе кружатся газели,
Ягуары, барсы, кашалот.

Королевские слоны Сиама
Пышнобедрых горничных несут,
Утомил давно гиппопотама
Непосильный, повседневный труд.

Хочется разрушить эти скрепы,
Задушить фальшивящий орган.
Балаган скрипучий и нелепый
Заменить простором дальних стран.

На пустынном ярмарочном поле
Ночью, неподвижный бег прервав,
Безнадежно думает о воле
Клетчатый оседланный жираф.

И, пробравшись к спящей карусели,
Прислонясь к картонному плечу,
Словно зверь, не ведающий цели —
К вольности утраченной лечу.

ЭЛЕГИЯ.

Я о многом хочу навсегда позабыть и не помнить
Как сияли газоны от лунного блеска росы,
И о том, как за парком ночами стонали гармони
И вели перекличку ночную дворовые псы.
Я хочу полюбить этот душастый, каменный город,
Где я только пришлец из чужой непонятной стра-
ны,
Полюбить фонари, мостовые, фасады, заборы
И чахоточный лик городской худосочной весны.
Но смогу-ль до конца этот мир ощутить и понять я,
За убогое счастье сурового Бога хваля,
Чтоб не мучил костюм из лавченки готового
платья
И дешевенький галстук мне шею не жал как
петля!
Иль уже навсегда в этом мире расчетливой скуки
Проживу и умру, как ненужный дворянский поэт,
И весеннюю ночью, под сонного города звуки,
Я к виску своему, не спеша, поднесу пистолет.
Будет лучше мне там на пологой кладбищенской
горке.
Белым пухом могилу осыпят мою тополя.
Будет суслик свистать, серым столбиком ставши
у норки,
И, как в солнечном детстве, опять будет близки
поля.

ПАРИЖ.

Ирине Кнорринг и Юрию Бек-Софиеву.

Ты не стареешь вместе с нами,
Неувядающий Париж,
Над промелькнувшими веками
Ты вечным призраком паришь.

Не в взметах ярмарочной пыли,
В безликой городской толпе,
Не там, где лак автомобилей
И блеск витрин «Рю де ла Пэ».

А там у вянущих каштанов,
Там в садике «Мюзэ Клюни»,
Где струйка сонная фонтана
Воркует в кружевной тени,

Где гнутся спины контрафоров,
С реки подперши «Нотре Дам»,
В прохладе сумрачных соборов —
Душа Парижа только там.

Боюсь таинственного плена,
Боюсь и от него бегу,
Но все же образ совершенный
В воспоминаньях сберегу.

Стара о блудном сыне повесть
И не один промчится год,
Пока запыхавшийся поезд
Влетит под запотелый свод.

И из вагона выйдет некто,
Сутуля стариковский стан,
И тихо побредет проспектом,
Неся потертый чемодан.

Прозрачна будет неба просинь,
Осенний лист летуч и бур,
Спокойно будет красить осень
Багряной кистью «Люксембур».

В дешевом, стареньком отеле
Получит комнату, обед,
На узкой холостой постели
Расстелет полинялый плед.

Пойдет бродить к ларькам у Сены,
Гравюры пыльные листать,
У антикваров гобелены,
Не покупая выбирать.

А ночью «Ординер» попросит,
В углу «Ротонды» сев за стол,
Никто его уже не спросит
Откуда и зачем пришел?

И этот город безысходный
Тот некто будет, может быть,
Любовью ясной и холодной
Почти как родину любить.

Все, что я называл искусством —
Мишура и ненужный хлам,
Человечьи простые чувства
Не умел я вверять словам.

Никогда никто не заплачет
Над моим чеканным стихом.
Знаю, надо писать иначе,
Всю красоту отдав на слом.

Пусть стихи станут проще, тише,
Пусть хромают в каждой стопе,
Но пусть каждый, кто их услышит,
В них найдет строку о себе.

К ним придумать хочу картинки
Для больших и грустных детей,
Что никак не найдут тропинки,
Заблудившись в душе своей;

И на зло надменным пиитам,
Что словами бойко гремят,
Эти вирши набрать не петитом,
А как азбуку для ребят.

СТИХИ О ВОЙНЕ.

1.

Там небо приблизилось к самой земле.
Там дерево в небо кидалось с обвала,
И ласточка бурю несла на крыле
И лестница руку Днепру подавала.

А в августе звезды летели за мост.
Успей! Пожелай!.. Загадай! Но о чем бы?
Проторенной легкой параболой звезд
Летели на город голодные бомбы.

2.

Скабречно каркнув, пролетает грач
Над улицами, проклятыми Богом,
Над зданиями, рвущимися вскачь
Навстречу разореньям и поджогам,

Над рухлядью ненужных баррикад,
Над остовом обугленным квартала,
Откуда пламя рвалось наугад
И чердаки окрестные хватало...

И судьбы и жилища сметены.
И там, в нечеловеческом закате,
С перегнутой над улицей стены,
Свисают заржавелые кровати.

3.

В парадном ночь и стужа. В две коптилки
Горит окно на верхнем этаже.
И тополя — обломанные вилки
Нечищенного темного фраже.

От пешеходов улица отвыкла
И ночь забыла паровозный свист...
Чу! За углом — возня у мотоцикла,
И удаляется мотоциклист,

И глухо вновь... Скорее дьявол взял бы
Весь этот мир, весь этот тусклый хлам!
Как бы в ответ — заносчивые залпы
Перерубают воздух пополам.

4.

Осунувшись и сгорбясь и унизясь,
Дома толпятся по очередям
И нищеты жестокий катехизис
Твердит зима базарным площадям.

А рядом бой. Пол неба задымил.
Он повествует нам высоким слогом
О родине. И трупы по дорогам
Напрасно дожидаются могил.

КАМАРИНСКАЯ.

В небо крыши упираются торчком!
В небе месяц пробирается бочком!

На столбе не зажигают огонька.
Три повешенных скучают паренька.

Всю неделю куралесил снегопад...
Что-то снег-то нынче весел невпопад!

Не рядить бы этот город — мировать!
Отпевать бы этот город, отпевать!

Каштановым конвоем
Окружено окно
И вся земля запоем
Пьет красное вино.

Мой голубой автобус
Уходит на бульвар.
Как мне понятна робость
Его туманных фар.

Он весь, как на эстраде
Под рыжей бахромой.
И люди в листопаде
Не ходят по прямой.

От парка и до парка
Он ветрами несом.
И осень, как овчарка,
Бежит за колесом.

Лужицы, как цинковые миски.
С крыш, с деревьев, с проводов течет.
По камням дожди, как машинистки,
Отстучали годовой отчет.

На ходу влетают мне за ворот
Два кленовых солнечных листка.
Это осень оставляет город,
Вдоль дорог бегут ее войска.

И вослед уйдут последним взводом
Белые листки календарей.
И воскликнут люди: «С Новым Годом»!
Чтобы стать еще на год старей.

Облетают мысли с каждым шагом.
Прохожу по скверам не спеша.
Скоро выйдет к миру с белым флагом
Перемирье заключать душа.

Чернильница! Досталось и тебе
Волнений от сегодняшнего полдня!
Он простучал капелью по трубе,
Тебя до края звонами наполня!

Он целый час надоедал окну
Потрескиваньем падающих льдинок!
Опять перо в чернило окуну
И вызову весну на поединок!

И буду спотыкаться о софу,
И нарушать расположение стульев,
Чтоб взять измором первую строфу,
Ее в пустом углу подкараулив!

И снова буду, ночи вопреки,
Бродить по изнуренным корридорам!
Как образумить вас, черновики?
Какой избрать? Смириться на котором?

Уже рассвет! Уймись. Не бормочи.
Прислушайся: там шевелится город,
И с набережной шальные грачи
Тебе кричат, советуют и вторят!

ТЮТЧЕВУ.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет.
Тютчев.
Мой обожаемый поэт.
Фет.

Чтоб облегчить немного ношу,
Я брошу и шинель и плед,
Лишь одного Тебя не брошу,
Мой обожаемый поэт.

Сквозь дым и гром, под визг снарядов,
Через море крови, лужи слез,
Не на спине, в рюкзак запрятав,
А в сердце я Тебя пронес.

Твой стих изысканно-небрежный —
Его не тронули века,
И жизнью чудной, жизнью прежней
Живет в нем каждая строка.

Не раз, когда земля горела,
И под огнем и средь огня
Его евангельская вера
Была спасеньем для меня.

Мне вместе с ним не страшно было
Сквозь грохот проходить, сквозь дым,
И с ним... как видно, и в могилу,
Я и в могилу лягу с ним.

МАТЕРИ.

Рассвет, как видно, не забрезжит:
Глухая ночь в моем окне,
И в эту ночь все реже, реже
Приходишь Ты на память мне.

Когда ж из светлого былого
Твой образ предо мной всплывет --
Застрянет, дрогнув, в горле слово
И что-то к сердцу подойдет.

Твою беспомощность старушью,
Твоих морщин я не снесу:
Сожмется сердце и наружу
Вдруг с болью выдавит слезу.

СЕРГЕЮ БОНГАРТУ.

Когда спадет повязка с глаз,
Увидишь Ты как на ладони,
Что твой разбит уже баркас,
И не плывет, а тонет, тонет.

Что жизнь в скитаньях ни за грош
Ты прожил, порываясь к бою,
Что ты стоишь — и не поймешь
Где ты стоишь и что с тобою.

Уходят без оглядки в тьму
За годом год — по дням, по суткам...
И ты один — и одному
Так жутко, несказанно жутко.

Тогда, чтобы уменьшить гнет,
Мой друг, промолви без укора:
И эта скоро ночь пройдет,
Пройдет, как все проходит скоро.

ВОРОБЕЙ.

Сел на окно к нам воробей:
«Чирик-чирик! Чирик-чирик!»
И сердце из груди моей
Чуть-чуть не вырвалось, как крик.

Стою я, прислонясь к стене,
И не могу сдержать я слез —
Как будто он на крыльях мне
Привет от Родины принес.

Как будто он сказал: «Иди
Вперед и все вперед, мой друг,
Еще так много впереди
И жарких губ и нежных рук!»

Он улетел. Его уж нет.
Но, не смолкая ни на миг,
В ушах стоит все, как привет:
«Чирик-чирик! Чирик-чирик!»

В ТЮРЬМЕ.

Брось! Не дави его! Зачем
Его давить? Пусть дышит с Богом.
Он затрещит в углу, и тем
Заполнит тишину немного.

Отрадней сознавать, пойми,
Что не одни мы в этой яме,
Что где-то в щели над дверьми
Сверчок ютится рядом с нами.

Всего . . . Всего бы только раз
Не глазом, нет, кусочком глаза
Взглянуть бы на тебя сейчас;
Всего бы только раз, полраза
Хоть краешками губ, чуть-чуть,
Мне до волос твоих коснуться,
И тут бы, кажется, уснуть,
Уснуть и больше не проснуться.

Е. М.

Еще стучусь я в Ваши двери,
Еще клянусь, лукавлю, лгу —
Хочу, чтоб Вы могли поверить,
Что я любить еще могу.

Губами робкими своими
Припал я к Вашему плечу,
И Ваше греческое имя
На все лады еще шепчу.

Иду за Вами. Жму Вам руку.
Держу, волнуясь, Вашу шаль:
Как будто чувствую разлуку
И мне Вас несказанно жаль.

ВОДОПАД.

И день и ночь на дне в тени там
Грохочет что-то и гремит
И, вырываясь из гранита,
Зловеще бьется о гранит.

Не выдержав тоски порыва,
Туда — на камни, в грохот, в стук
Вот так бы броситься с обрыва
И в брызги разлететься вдруг.

БОРИСУ ВОЛКОВУ.

Как будто ничего такого
Там не было, мой друг, и нет:
И так же выгнут как подкова
Вот этот месяц в вышине.

Присев у большака на камень,
И здесь я часто слышать мог,
Как гром с дождем и с облаками,
Ворча, отходит на восток.

Но почему-то, где б я не был,
Везде мне кажется, что там
И облака и звезды с неба
Нежнее улыбались нам.

Там ночи — вот такие ж ночи
С дождями, как и без дождей,
Но только будто покороче,
Но только будто посветлей.

И ветер выл не так сердито,
И с кем бы, и куда б ни шли,
Нам придорожная ракета
До самой кланялась земли.

Да, все там лучше, все как надо:
Просторней луг, кудрявей лес,
И вяз, как вор, из-за ограды
В карманы сучьями не лез.

И на рассвете тучи плыли,
Как с цепи не срывались вдруг.
Там, там, где мы когда-то были
И где теперь нас нет, мой друг.

РАЗЛУКА.

За дрожащей оконной рамой
Старая сумрачность дней.
Каждый год он все тот же самый —
Гипнотический шорох ветвей.
И опять ускользает кривою
Птиц каких-то на юг перелет,
И в последний раз над рекою
Пароходный свисток поет.
Но теперь мы простились надолго —
До почти невозможной весны,
И родная, обмершая Волга,
Как и я, вспоминает сны.
Тридцать лет берегу эту муку,
Но еще не изведал до дна.
— Уж давно не поют «Разлуку», —
Ту, которая так смешна...

Что я нашел и что утратил я? —
Все выцвело, ничто не повторится:
За праздничным столом спокойная семья
На кухне — занавесь из ситца.
Быть может, потому я полюбил теперь
И всею ночью заплаканные свечи,
И ласку каждую, что приоткрыла дверь
И молвила по-русски: Добрый вечер!..

Я помню строгую столицу —
Проспект, похожий на стрелу,
И лампионов вереницу,
И вдохновительную мглу.
Санктпетербургские приметы
Математически просты:
Витрина чопорная эта,
Иль эти гибкие мосты.
Крылом Казанского собора
Укрыт, подавлен, вознесен,
Воспринимаю гордый город,
Как литургию и как сон.
Сурово стынет колоннада.
Стою. Припоминаю... Там...
Но вправо или влево надо
Читать дорогу по складам?..
Я шел. Вилась канала кромка,
И фонари бросались вплавь,
И мне в лицо смеялась громко
Провинциальных бредов явь.

В ПОЕЗДЕ.

И когда он тяжелые губы сомкнул,
Отразившись в вагонном окне,
Быстрый месяц упруго его оттолкнул
И укрылся опять в вышине.
И припомнилось сразу: так было в те дни —
Сизой ночью владела весна,
За окном кувыркались сторожек огни,
Жизнь вот так же была неясна.
И вот так же по рельсам летел напролом
Паровоз, исступленно дыша,
И вот так же взмывала незримым крылом
Обессиленная душа.

Ты хочешь, чтоб было доступно небо
И чтоб тихо входили причуды любви —
Как на картинке: привычная треба,
Добрый священник и все — свои.
Я тоже ищу философский камень —
На яростном рынке купить уют
И за сыпучий песок минут
Отдать созданное веками.

Ах! Это значит: любовь и воля,
На сизом пруду голубая ладья,
И песни твои, и немножко боли, —
Гуашь и сепия бытия!..

Рано утром и каждый вечер
Возношу, рассыпаю мечты.
— Ничего не отвечу... —
Осторожно сказала ты.
Что ж мне делать с ночами и днями? —
Туго-туго натянута нить.
Я томлюсь, утешаюсь снами,
Жгучей мыслью — упасть и не жить.
Упаду, и когда с участием
Кто-то скажет об этом тебе.
Ты подумай: Вот лучшее счастье —
Быть покорным своей судьбе.
Пусть другие в то утро иль вечер
На лицо мне накинут платок —
Не входи. Ничего не отвечу.
Я сказал тебе все, что мог.

Опять сирень и тишина над нами,
Вдали — огни под крыльями теней.
Твое лицо, обрамлено цветами,
Еще любимей и еще бледней.
Твои слова... О, лирики старинной
От давних лет хранимый сувенир! —
Разуверенье застилает мир
Уютной, тихой паутиной...

Пусть будет так, чтобы не знать сомнений,
Чтоб месяц шел куда-то без конца
И чтоб неузнанный благословил нас гений —
И наши губы и сердца!

Нашим счастьем мы оба довольны.
По ночам над сугробами — жуть.
Иногда ты целуешь так больно,
Что почти не даешь вздохнуть.

Все хочу я припомнить что-то.
И пожалуй, припомню. В бреду.
Не оставь меня верной заботой,
Если скоро с ума я сойду.

МЕЧТАНЬЕ.

Один к другому плотно жмутся дни,
И стала память по иному емкой.
Все помнится, лишь радости одни —
Огни далекие. Холодною поземкой
Порою застилаются они.

Судьба и старость. Перед ними — я.
О, Господи! Как жизнь отяжелела...
Но и она давно уж не моя...

Немного радости, несложный мир, семья
И за окном — знакомые пределы.

Л — СЕ.

Заботлива, как ласточка, как мышь,
Всегда — со мной: щебечешь и шуршишь,
Озвучивая старческую тишь.

Я лишний здесь, под кровлей неродной,
И зябко мне. Но ты всегда со мной,
И тучи бед проходят стороной.

Прошедшее — как выцветший ковер,
И кто-то след печальных странствий стер...
Лишь ты со мной, вечерний мой костер!

ТЕ ДНИ.

За пережитое в те дни
За эту исповедь глухую
Меня, Спаситель, помяни,
«Егда же сядешь одесную».

Затравлен злобой мировой,
Людским безверьем и безбожеством,
Я одиноко целиной
Блуждал во мраке бездорожья.

За человеческий мой стон
Не осуди, как фарисея, —
«Яко разбойник пригвожден,
Перед Тобой благоговею».

Когда пред Вышним Судией
Предстану, путь закончив крестный, —
«О помяни, Спаситель мой,
Меня во Царствии Небесном».

БЕССОННИЦА.

Темны глазницы бездонные
В саване смертной тоски,
Ночь опустилась бессонная,
Обручем сжала виски...

Мрачными, черными думами
Ночь охватила меня:
Грежу апрельскими шумами,
Зноем июльского дня.

Осенью нежно-тоскливою
Сердце болеет мое...
Прожита жизнь торопливая,
Нечем мне вспомнить ее.

Старой, извечною пыткой
Мучит извечный разлад —
Стоит ли новой попыткой
К счастью пробиться назад?

Или в глазницы бездонные,
Полные смертной тоски,
Ночью глядеться бессонною,
Нервно сжимая виски...

ОТВЕТ НА ПИСЬМО.

Как журчанье ручейка под ивой,
Как вечерний ласковый закат,
Ваши письма просто и красиво
О давно забытом говорят.

Так на наши будни не похожи
Эти строки о глухих садах.
Только в снах мне приходилось тоже
Жить в уютных, мирный городах...

Без тревоги в заросли сирени
Открывать широкое окно —
Это сказкой прошлых поколений
Мы считать приучены давно...

Занавески, на окне герани,
Предвечерний запах резеды —
Иногда мне кажутся в тумане,
Как родного прошлого следы...

Скрип весла в объятиях уключин
Ухо различает в тишине...
— Видимо, я здорово измучен
Мыслями о доме на войне,

Если так отчетливо-реально
Вижу, домик в зелени густой,
Поникая головой печально,
Непреклонной прежде головой.

КАНЫ.

Заревом молний горит небосвод. —
Ясно! Никто в этот час не придет.
Что-же? Кого ожидаю?
Город, как вымер, раскаты гремят...
Каны в руках о любви говорят.
Я им пытливо внимаю.

Я для тебя их сегодня сорвал
Вечером поздним, когда бушевал
Ливень, грозой озаренный.
Тихо они умирали в руках,
Так же, как смех замирал на губах,
Огненной страстью соженный.

Каны, вы знойны, как южная кровь!
Пряны, зазывны, как дерзкая новь,
Сорваны — вы не живете!
Вам доверяю я чувство мое,
Вас я сегодня сорвал для нее,
Вы для нее отцветете.

Буря и ливень и молнии свет.
Вот оно... Страсти достойный ответ,
Страсти, любви и тревоги.
В ночь, когда я тебе стану далек,
Каны во сне тебе бросят упрек —
Каны к изменникам строги...

Яркому чувству не ведома ложь.
Если ж обманешь меня и уйдешь —
Знай: Я тебя не ревную!
С губ твоих жизнь твою медленно пить
Даже и ты не могла б научить!
Я! Только я так целую...

В тех поцелуях кипучая страсть,
В них мое рабство и в них моя власть,
В них моей жизни частицы.
Нет! Не изменишь! Подобна волне,
Ты, убегая, вернешься ко мне
Смыть, захлестнуть и разбиться.

Где-то вдали затихает гроза.
Каны, как кровь, как алмазов роса,
Призрачность лунного света...
В шорохе гравия быстрых шагов
Легкая поступь твоих каблучков,
Слышится явственно где-то...

КНИГИ ДЕТСТВА.

Потускнели краски, постарели лица.
Жизнь и смерть витают где-то по соседству.
После дня раздумий ночью только снится,
В образах былого, золотое детство.

В мирном захолустьи дремлющей Украины
Увлекали чары жизни непохожей:
Сказок Жюль-Верна мир необычайный:
Купера, Майн-Рида тени краснокожих.

Трогала ребенка книга Бичер Стоу:
Негра «Дяди Тома» бедное жилище;
Жгуче волновало, под отцовским кровом,
Грозное значенье платья в «Принц и Нищий»...

Кротко улыбался месяц серебристый
Сквозь окошко детской ясными ночами,
Глядя, как подросток, кончив «Монте-Кристо»,
Засыпал тревожно, с влажными глазами.

Налетели годы... Раздвигались дали...
Все из книг знакомых в жизни узнаю я:
С красными сначала в Купера играли,
Скальпом по Майн-Риду я теперь рискую.

Защищал твердыни я по Вальтер-Скоту,
Как писал Сенкевич — бился крестоносцем,
Вроде Монте-Кристо в плен попал за что-то,
Даже с Робинзоном промелькнуло сходство...

Но совсем неважно, даже просто скверно,
Чувствовал себя я на полях сражений,
Если плод фантазий деда Жюль-Верна
На меня валился вихрем разрушений.

Бились мушкетеры и ломали шпаги:
Кто за королеву, кто за кардинала...
Это все прекрасно, если на бумаге,
Ну, а если в жизни — толку очень мало.

Вроде «Дяди Тома» я сейчас... невольник,
Где семья, не знаю... Сожжено жилище...
И теперь я понял, что не понял школьник:
В жизни очень часто принц бывает... нищим.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ.

На горбоносом степняке,
Арканом тешась на ходу,
Пригнувшись радостно к луке,
Мой пращур вел свою орду.

И под копытами трава,
И под стрелую супостат, —
Все поникало, лишь молва
Росла, опередив набат.

Перед Московии царем
Татарин голову склонил.
Той клятве, данной дикарем,
Никто в роду не изменил.

В ответ на грозный ураган,
В святом двенадцатом году
Мой прадед, славный партизан,
Был в стае славных на виду...

И он топтал своим конем
И супостата и ковыль —
Степняк татарин ожил в нем...
...могильный сон... архивов пыль.

И вашу кровь и ваш порыв
Я унаследовал вполне:
В боях не раз глушил разрыв
И конь носил по целине.

Все то, что тешило татар,
Наивно радует меня:
И я степняк, и я гусар,
Но без степей и без коня.

СТАРИНА.

В библиотеке нашей когда-то
Я нашел описание бала,
В дневнике — полустертые даты,
Потускневшие инициалы.

«Двадцать пятого бал у майора.
«Я с корнетом прошла в полонезе,
«Через зал подлетел он «на шпоре»
«И поклон мне учтиво отвесил.

«Был он статен, изящен и ловок,
«Отливало шитье эпюлета...
«Не одна из прелестных головок
«Закружилась под звук менуэта...

«А ему я потом в котильоне
«Улыбнулась лукаво и мило»...
С той поры, в золотом медальоне,
Та улыбка портретом застыла.

На окне индевеют узоры.
В канделябрах высокие свечи,
Мимолетные беглые взоры,
Беззаботные ясные речи...

Это бабушкой нашей писалось.
Отдыхаю над каждой страницей.
Ничего... Ничего не осталось
От усадеб и блеска столицы...

СУВОРОВ.

Александр Васильевич Суворов.
Слов не надо — Слава говорит!
Измаил, приковывая взоры,
Полтора столетия гремит...

Полыхнули громы Туртукая.
Прокатясь по Кинбурнской Косе,
Пугачева стерли, наростая,
Эхом Праги грянули в грозе...

Все твое! Души твоей частицы:
Пушкари, драгуны, казаки,
Егерей обветренные лица,
Гренадер трехгранные штыки.

Падали фортеций рavelины
В грохоте баталий и тревог.
«Чада Павла! Мать Екатерина!»
«Русские! Виват! Помилуй Бог!»

Церковь немудреная в Кончанском,
Немощность опального чтеца
И порыв в походе Итальянском,
Развернувший гений без конца...

Там, на Альпах, где снега да тучи,
Где орлам в диковинку летать,
Пролегла дорога через кручи
Огненной «Науки побеждать!»

ЧЕТВЕРГОВ.

Вспомнилось... Ивана Лукаша
Быль о воплощеньях Четвергова.
Хороша, как слава хороша,
Правда, облакаясь в слово.

Мнется под копытами трава,
Скалятся приплюснутые рожи —
От Восхода валит татарва,
Застилая русский день погожий...

На валах, в одном из городков,
С шестопером, бердышем иль пикой
Стал за веру сотник Четвергов
Против силы кочевой и дикой...

Натянулась туго тетива
И стрела татарская запела...
«Марфинька! Была бы ты жива,
«Умираю за святое дело».

Из Москвы, пригнувшись на скаку,
Вылетел посланец Гермогена.
Весело и любо седоку,
Верный конь роняет хлопья пены.

«Проскочить бы только меж врагов,
«Грамоту отдать кому велели».
Будет жив — заедет Четвергов
Марфиньку проведать у качели.

Но с улыбкой тонкой на устах,
Пороху на полку подсыпая,
Из мушкета приложился лях...
«Марьфинька! За веру умираю...»

Воет ветер. Снег да ледники.
На плечах колышутся лафеты:
В Сен-Готард Суворова полки
Двигутся сегодня от рассвета.

Между пушек, вьюков и штыков
С кручи поднимается на кручи
Армии поручик Четвергов,
Рвет конверт, что давеча получен.

Марфинька с похода ждет домой,
На привале отписать ей надо.
Наклонилась, тянет за собой,
В пропасть обрываясь каронада...

Третья Плевна... Бешеный Осман
Таборы бросает на редуты
Смуглых, сухощавых египтян,
Диких курдов, лютых арнаутов...

Гвардии Султана бьют поход,
Янычар заколыхалось знамя...
Четвергов команду подает,
Гренадеры звякнули курками.

Закурился залпами редут.
Падают... Врываются аскеры...
«Марфинька. Моя могила тут,
«Умираю за Царя, за веру».

По Кубани «Ледяной поход»,
Флаг трехцветный скромно реет снова...
Между стройных офицерских рот
Скромная фигура Четвергова.

Обгорела у костров пола
Пулями прострелянной шинели.
От любимой весточка пришла,
Через фронты, в стужу и мятели...

В Галлиполи есть «Долина Роз».
На усопшем простыней покрыли
Старое письмо и прядь волос —
Горечь Четверговской были...

Так погиб и этот Четвергов,
В жертвенную гибель облакаясь,
Как и те на подвиги готов,
Как и те — домой не возвращаясь...

На роду так видно суждено —
Ореол венца посмертной славы...
Было так в полях Бородино,
У Гуниба, около Полтавы.

Четвергова знает Куненсдорф,
Кровь и дым Малахова Кургана,
У болот Мазурских зыбкий торф,
Под Мукденом шорох гаоляна...

Хороша. Как слава хороша,
Правда облакаясь в слово.
Если правда — русская душа,
Слава — это образ Четвергова.

НОЧЬ.

Сижу одна. Заснуть невмоготу.
Плетется ночь бездомным пилигримом
И мысль бежит за ночью в пустоту,
Бежит туда, где я была любима,
Где счастья миг зажегся и угас,
Где жили вы, где нет меня сегодня...
Пусть Матерь Божья молится о вас
И сохранит вас благодать Господня.

ЭКЗАМЕН.

Концертный зал. Высокая эстрада.
Толпа улыбок, красок и огней.
Я здесь одна. Мне никого не надо.
В свой мех, дрожа, я кутаюсь плотней.

В ряду со мной смеющиеся лица,
Шуршат в руках программные листы.
Последний миг... Не хочет сердце биться,
Сейчас, сейчас исполнятся мечты.

Ты вышел. Бледный, стройный и холодный,
Чужой артист со скрипкой у плеча.
Удар смычка. Уверенно, свободно
Ты шумный зал заставил замолчать.

Чайковский, Шуберт, Лист и Паганини...
Я всю программу знаю наизусть.
По сердцу холод тянется змеиный
И зал огромный кажется мне пуст.

Конец. Поклон. И взрыв рукоплесканий.
Бушует зал, восторженно крича.
Еще поклон, и шопот ожиданья,
И ты опять со скрипкой у плеча.

А я горжусь твоей победной славой,
Не страшен мне теперь людской поток.
Я снова слышу крики: «Браво! Браво!»
И вижу твой уверенный смычок.

.....

Дрожит звонок. Выходят ребяташки
На школьный двор с экзамена к родным.
Навстречу мне в коротеньких штанишках
Бежит мой сын, приснившийся большим.

ЛЫЖНЫЙ СЛЕД.

Ушел и оставил открытой
С крыльца выходную дверь.
Донесся твой голос сердитый...
Был воздух морозно сер.

Ушел, не закрывши ворота.
За лыжами — мягкий след.
Казалось, что крикнул мне кто-то
И ждал в темноте ответ.

Иду и ищу по дороге
Притушенный снегом след.
Найду ли я в сумерках строгих
Мелькающий силуэт?

И знаю — искать мне не нужно
Ушедших в снега шагов.
Идут мои ноги послушно
На сердца унылый зов.

И знаю я — утро нагрянет
Тоскливее всех ночей.
И солнце за дымкой багряной
Не сбросит в снега лучей.

И снег заметет виновато
Последний вчерашний след,
А ветер седой и мохнатый
Подскажет мне сотню бед.

ТАЙКОМ.

Подождать, когда закроют двери
И погасят в комнатах огни
И, часы на столике проверив,
Потихоньку проскользнуть в тени
Корридором, парком, по аллее,
Между сосен тонких в темноту,
Незаметно, где река чернеет,
Пробежать по узкому мосту.
Повинуясь странному указу,
Подойти, найти скамью впотьмах...
Задыхаясь, обессилеть сразу
И приникнуть тихо на камнях.
А потом украдкой, на рассвете
Возвращаясь в свой уснувший дом,
Знать, что часто вечерами где-то
Ты с другой встречаешься тайком.

ЗОВЫ ГОР.

Меня волнует линия зубчатых гор,
Замшелые, извилистые тропы
И снега мартовского тающий ковер
И горных гроз стущающийся ропот.

Меня волнует грань заснеженных высот,
И облако, ласкающее скалы,
И неожиданный вершины поворот
И прошлогодний мох под снегом талым.

Меня влечет к себе задумчивый обрыв
И древние, морщинистые камни,
И ветра горного прерывистый мотив
И серны пробежавшей след недавний...

Меня влечет к себе пестреющая даль,
Лепных зубцов неконченная сказка,
И в синеве — луны скучающей овал
И снежной бури взвихренные пляски.

Меня влечет к себе незыблемая высь
И в тишине — молитвы умиление,
И даль холодная вечерних звездных риз
И величайшее уединенье.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА.

И ветер и стужа. За окнами тьма.
Ослепли, затихли, застыли дома.
Пробит потолок. Сквозь намокшую щель
Врывается в комнату снежный апрель.
Дрожит занавеска. Весна-ли? Зима-ль?
В гостиной стоит одинокий рояль.
Мигает уныло свеча. От стола
Пробоиной тень по стене пролегла.
Не комната — ветхий, разрушенный храм,
Где призраки дремлют по темным углам.
Последняя встреча. Тоски не стряхнуть.
«Сыграйте, пожалуйста, мне что-нибудь!»
Вы вскинули крышку и нежный Шопен
Уносит в былое от вопля сирен.

. . . . .

Потом потянулись пути, поезда...
Я знаю, не встретимся мы никогда.
Прощайте! Вы — призрак, оставшийся там.
Вы — жрец, стерегущий разрушенный храм.
За окнами ветер. Весна-ли, зима-ль —
Не все ли равно, если в сердце печаль!

БЫЛО.

Не помню. Ничего не помню о вчерашнем.
Бежали дни, как пляшущие черти!
Дремалось. Поезд шел в закат.
Нас выкинул толчок. Мы бросились на
пашню,
Легли и замерли. И ждали смерти.
Моторы рвали облака.

Минута или час? — Подкрадывался вечер.
Закрыла мгла напуганную местность
И мертвый поезд на путях.
А пахоть рвалась вширь и падала на плечи.
Душила жажда. Жгла нас неизвестность.
Дымком над нами вился страх.

Мы знали: с нами смерть идет,
Но по пути мы вырвались от смерти.
Пылали города, мосты, костелы, башни...
А мы все шли и шли вперед.
Бежали дни, как пляшущие черти.
Не помню. Ничего не помню о вчерашнем!

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЯ».

Проходят дни, как бабы на базаре,
Снуя в очередях и тая в темноте,
И ночи, в запахе осевшей гари
Совсем недавних дней, забытых в суете.

Ползут недели, словно эшелоны.
Надежды робкие опережает страх
И месяцы застряли, как вагоны,
Осиротело на разбомбленных путях.

Обрывки памяти повисли по руинам,
Цепляясь за обломки стен и кирпичей,
И год проплелся по чужим равнинам
С котомкой горечи на беженском плече.

И ЛЮДИ ЖИЛИ.

Листаю в памяти мгновений годы
И месяцев прерывистую нить.
Глушат мечту бомбоубежищ своды
И сон от яви трудно отделить.
Рассудок замер. Рвущиеся бомбы,
Осколки улиц — след тяжелых мин,
Подземных коридоров катакомбы
И кладбища безмолвные руин.
И бесконечно длинной вереницей
Людские тени в зареве огней,
Растерянно - испуганные лица
В чаду безумия налетных дней,
И оголенно-черные стропила,
И вздыбленные рельсы мостовых
И остовы домов, где люди жили,
Ютясь в подвалах темных и сырых...
Призыв сирены, грозный и унылый,
И толкотня, и плач грудных детей,
Щекотный запах плесени и пыли
И влажные глаза у матерей...
Все ближе, все яснее гул моторов,
Быстрее колебанья старых стен
И умолкавшие внезапно разговоры
И унижительная дрожь колен.
Над головою рокот эскадрилий.
Одна, две... пять... смертелен каждый миг.
О, сколько стоило тогда усилий
Сдержатъ отчаянный, предсмертный крик.

Конец, конец... И стонут миллионы,
Безропотно склоняясь пред судьбой.
О, слаще всех Бетховенских симфоний
Высокий тон, вещающий отбой.
И вдруг — просвет. Четыре дня затишья.
Без бомб, сирен, без огненных столбов,
Гуляющих по черным крышам,
Без новеньких некрашенных гробов.
В такие дни сметат тротуары,
Визжит стекло израненным щенком
И женщины толпятся по базарам,
И небо виснет ситцевым платком.
В такие дни сметают тротуары,
Толпа веселых, праздничных людей
И в садиках, не тронутых пожаром,
Смеющиеся голоса детей.
И по утрам, придя с ночной работы,
Студент, свой завтрак наскоро поев,
Разыгрывает часто на фаготе
Старинный, романтический напев.
На улицах, под ясным летним небом,
Пестрят возки с корзинами цветов
И очереди больше, чем за хлебом
За маленьким букетом васильков.
И очереди длинные в театры,
На новый фильм, в ближайшее кино...
Кто знает, доживу ли я до завтра
И не засну ли я последним сном?
На все концерты проданы билеты.
Со всех сторон по городу спешат,
В рабочих платьях, в модных туалетах,
На Кемпфа, цикл Бетховенских сонат.
Сегодня Кемпф, потом — Мария Миллер...
Везде, везде распроданы места,
А на экране — Шуман, Моцарт, Шиллер.
Не сон, не явь, а прошлого мечта.
Так чехардою месяцы скакали
И каруселью дней вертелся бег,
И люди жили, ждали, умирали
В наш изумительный двадцатый век.

На опушке, за пропашинкой —
Купол в липовом плену.
С богомолкою-монашенкой
Я в часовню загляну.

У холодного подножия
Прислоню и свой венок:
Помоги мне, Матерь Божия,
В бездорожии дорог...

Чтоб нечаянной развязкою
Утолилася печаль,
Чтоб Твоей согрелась ласкою
Для бездомной чужедадь.

НОЧЬЮ.

Ночь на чужбине. Тишина.
Спит небо, звездной россыпью согрето.
Ах, почему душа до дна
Иною тишиной полна,
Иною россыпью — не этой!

А этим я чужая. Пусть!
Вот погадаю, сидя на постели,
Чтоб карты ледяную грусть
Обманом сладостным согрели.

В ГОРАХ.

Горные вершины
Спят во тьме ночной...
(Гете. Перев. Лермонтова).

Как это у Гете: «Горные вершины...
Горные вершины спят во тьме ночной...»
Полночь. Отшумели по шоссе машины.
Огоньки погасли. Никого — со мной.

Я окно открыла. Горные чертоги
Закрывают небо. Синий воздух. Тишь.
Городок в долине. Месяц острогогий
Зацепился в чаще черепичных крыш.

Знаю, что красиво. Кто же спорит с Гете.
Только мне милей родная Голубень.
Я бы променяла все эти красоты
На дымок по трубам наших деревень.

Нет, моя природа шире и чудесней,
Правда, гор там нету, розы не цветут,
Но простор есть взору, но полет есть песне,
И мечте раздолье и тоске приют.

Горы меня давят. И враждою даже
Дышат неродные ветры, гонят прочь.
А куда — не знаю. А зачем — кто скажет?
Ах, как долго длится на чужбине ночь!

Тяжела ты сердцу, в никуда дорога,
Разве вот надежда прояснит черты...
Как это у Гете: «Подожди немного...
Подожди немного — отдохнешь и ты».

ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

Я не выйду к тебе, любимый,
Когда утром, в рассветную тишь,
Ты пойдешь по дороге мимо
И в калитку мою постучишь.

Я не выйду вздохнуть прохладой,
Не прижмусь к тебе жаркой щекой.
Я сегодня грустна. Не надо,
Чтоб ты видел меня такой.

Почему-то тоска обуяла
По родимой Стране-Голубень,
И проплакала ночь, и пала
Под ресницы синяя тень.

Знаю, сам вспоминаешь не раз: ковыль,
Золотистую степи парчу...
И тоской своей, месяц мой ласковый,
Я тебя огорчать не хочу.

Не скажу, что мне в ночь примечталось:
В половодье реки разлив;
Синий вечер; закатная алость;
И туман и костер вдали...

Не скажу, как в ушах гармоника
Лепетала родным говорком...
Из окошка, сквозь слезы, тихонько
Прошепчу: приходи вечерком.

ОСЕНЬЮ.

Воздух прозрачный впросинь,
Палевый в даях навес.
Снова одела осень
В золото с пурпуром лес.

И на лесной на дороге —
Словно хрустальная ясь
На золотые чертоги
С синих высот пролилась.

Росы в седой паутине,
Звоны в лесной тишине...
Осень и здесь, на чужбине,
Никнет подругой ко мне.

Уж не родные ли дали
Жалобу милых уст
В эту лазурь вщептали,
В этот звенящий хруст?

Не потому ль, сквозь холод,
Как в родное смотрюсь
В это осеннее золото,
В эту хрустальную грусть...

А корабль уходил к весне.
А. Блок.

От неуютных, серых гаваней,
От обездоленной земли
В далекое уходят плаванье
Лазоревые корабли.

Минуя отмели туманные,
Плывут, как лебеди без крыл.
Застыли пассажиры странные
У полированных перил.

Глаза, к бескрайности прильнувшие,
Не устают туман пронзять —
Глаза, безумия хлебнувшие,
Надеждой пьяные глаза.

Волна про тайное, желанное
Лепечет нежным языком
И чужедадь обетованная
Горит безбрежным маяком.

И погружается вчерашнее
В давно отжитое тогда,
И сзади остаются страшные,
Разрушенные города.

НА ЧУЖБИНУ.

(Памяти Д. А. С.)

Зима. Шоссе. Асфальт разбитый.
Бессолнечного неба сталь.
На запад грузовик открытый
Нас мчал. На запад, в чужедаль.

Молчали мы. Глядели строго
Глаза. Смыкалось дней кольцо...
И падал снег. И много-много
Неслось снежинок нам в лицо.

Часы мы мчались иль мгновенья —
Кто знает... может быть, века.
Окоченели впечатленья,
Бежали вдоль бортов селенья,
Мостом прогрохала река...

И кто-то: он-ли, ты-ли, я-ли,
Сломав безмолвие тоски,
Шепнул: «границу миновали»...
Шепнул — и вздох зажал в тиски.

Ревел мотор. Вилась дорога.
Судьба смыкала дней кольцо.
И падал снег... И много-много
Неслось снежинок нам в лицо.

НАЛЕТ.

Прожектор нацепил на палец облака
(Чтобы видней была пропеллеру дорога),
Гудок завыл издалека:
— Трево-о-га...

Заныло в вышине и замерло внизу.
Сердца застыли в ожиданьи.
Все ближе тяжкое дыханье:
— Везу-у... везу-у...

И вот уж небосклон из края в край
Проштопали светящиеся нитки,
Отчаянно затявкали зенитки:
— Дай, дай, дай, дай!

И, словно рассердясь, что смята тишина,
Что встречен огненной порошей,
Швыряет он во мрак губительною ношей:
Дер-ж-ж-и... Нн-а!!

НАКАНУНЕ.

И вновь зима, и вновь сугробы,
Тосклив и долог зимний путь,
И Новый Год подходит, чтобы
Опять, как старый, обмануть.

И мысль, в бесплодности гаданий
Исчерпанная дочиста,
Для новогодних пожеланий
Не в силах разомкнуть уста.

И лишь мечты (мечты, ей Богу,
Прелюбопытнейший народ)
Вперегонки, на босу ногу
Встречать несутся Новый Год.

И уж торопятся измерить
Этапы нового пути,
Опять в грядущее поверить,
Опять надеждой процвести.

Быть может, новогодний гений
Несет, как алчущему хлеб,
Решенье роковых сомнений,
Больших и маленьких судеб.

Быть может, вправду нам случится
Услышать, как пробьет отбой.
Знакомый кров, родные лица
Увидеть вновь перед собой.

В родных глазах печаль ненастья,
Тоску разлуки потушить
И смыть навек слезами счастья
Боль пережитого с души.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
О. Анстей	
Фавн	3
Там тропки мятой заросли	6
Разбушевался ветер в тополях	7
В пол-окна снега мои накиданы	8
Заметки на оконной нише	9
Авва	11
Я рыбак на Делосе колючем	13
Облепляют влажные мошки	14
Сергей Бонгарт	
Актрисе	15
Пора расстаться нам	17
Когда из этой жизни прочь	18
Зима	19
Отплытие	20
Нет, поступить иначе я не мог	21
Сегодня день так сумрачен и мглист	22
Шторм	23
Ей	24
Владимир Гальской	
Это было в Брюсселе, в Париже	25
Осень	26
Черный город	27
Бассиана	28
Губ твоих румяных зрелый мед	29
Карусель	30
Элегия	31
Париж	32
Все, что я называл искусством	34
Иван Елагин	
Стихи о войне	35
Камаринская	37
Каштановым конвоем	38
Лужицы, как цинковые миски	39
Чернильница! Досталось и тебе	40
Сергей Зубарев	
Тютчеву	41
Матери	42
Сергею Бонгарту	43
Воробей	44
В тюрьме	45
Всего . . . Всего бы только раз	46

Е. М.	47
Водопад	48
Борису Волкову	49
А. К а с и м	
Разлука	51
Что я нашел и что утратил я?	52
Я помню строгую столицу	53
В поезде	54
Ты хочешь, чтоб было доступно небо	55
Рано утром и каждый вечер	56
Опять сирень и тишина над нами	57
Нашим счастьем мы оба довольны	58
Мечтанье	59
Л — се	60
К н. Н. К у д а ш е в	
Те дни	61
Бессоница	62
Ответ на письмо	63
Каны	64
Книги детства	66
Три поколения	68
Старина	70
Суворов	71
Четвергов	72
А н н а С а в и н о в а	
Ночь	75
Экзамен	76
Лыжный след	78
Тайком	79
Зовы гор	80
Последняя встреча	81
Было	82
Из цикла «Время»	83
И люди жили	84
А г л а я Ш и ш к о в а	
На опушке, за пропашиной	86
Ночью	87
В горах	88
Перед рассветом	89
Осенью	90
От неуютных, серых гаваней	91
На чужбину	92
Налет	93
Накануне	94

Approved by UNRRA Team 631

Цена: Мк. 6.00